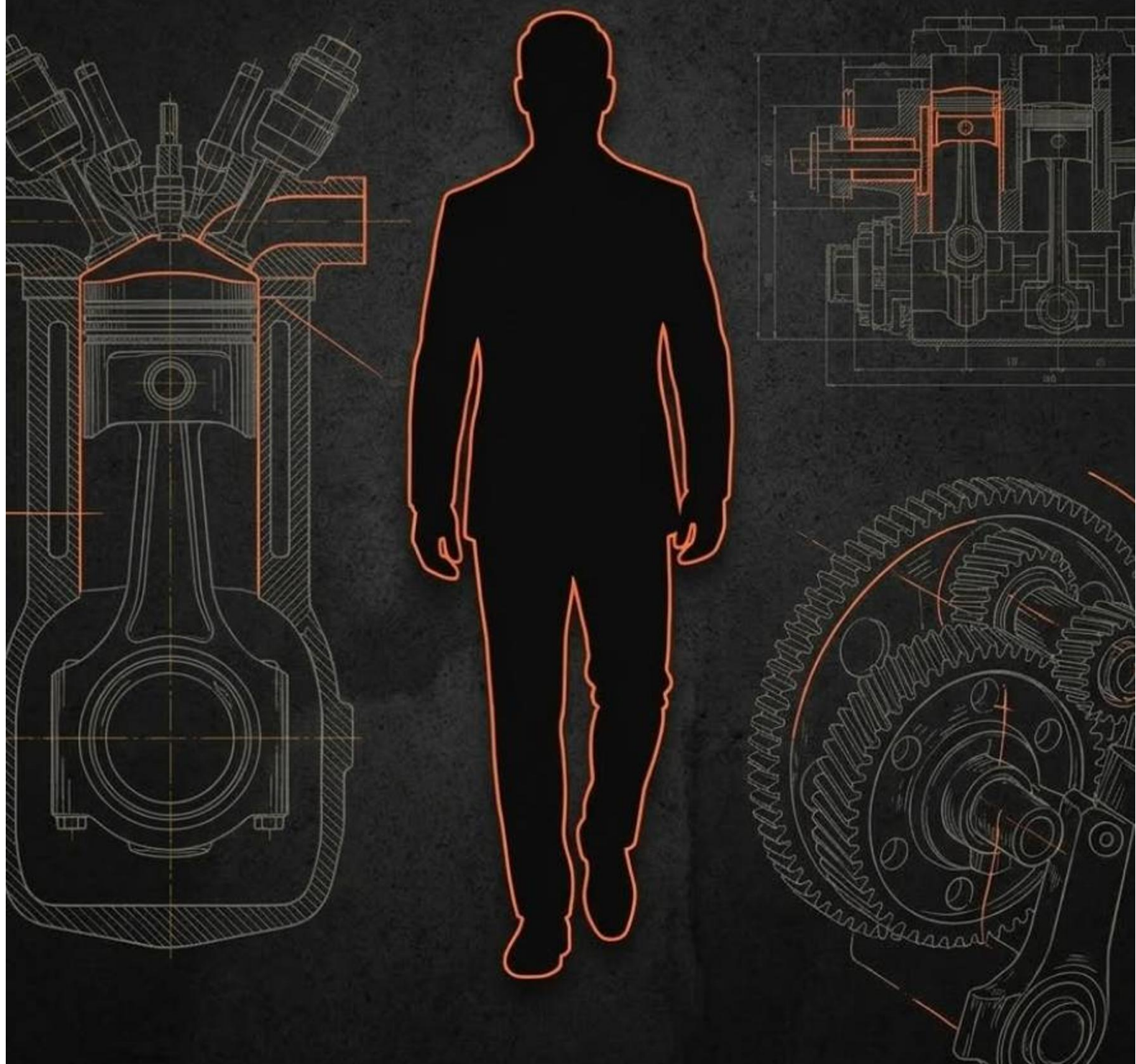

АРТЁМ ЗАЙЦЕВ

СЕМЬ

Принципы, которые изменили мою жизнь

Арте́м Зайце́в

**Семь. Принципы, которые
изменили мою жизнь**

«Автор»

2026

Зайцев А.

Семь. Принципы, которые изменили мою жизнь / А. Зайцев —
«Автор», 2026

Жизнь нужно прожить так, чтобы твоим недоброжелателям было стыдно за ту жизнь, которую проживают они. Я Артём Зайцев блогер автоэксперт авто журналист и в этом биографическом мотивационном рассказе о своей жизни, о своих успехах и поражениях я изложил семь принципов как простой человек может изменить свою жизнь используя опыт своих предков.

© Зайцев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Артем Зайцев

Семь. Принципы, которые изменили мою жизнь

Глава

ОМСК — КРАСНОДАР — МОСКВА

Семь принципов человека, который прошёл через всё.

ВВЕДЕНИЕ. Слово к читателю.

Если вы держите в руках эту книгу, скорее всего, вы находитесь на развилке. Возможно, вам кажется, что вы застряли на нелюбимой работе, устали «отбывать офисный срок» ради стабильной зарплаты или просто боитесь сделать шаг в полную неизвестность. Я знаю это чувство до мельчайших деталей. Я прожил с этим ощущением более десяти лет.

Сегодня меня знают как Артёма Зайцева — эксперта по автоподбору с федеральным масштабом бизнеса и аудиторией в десятки тысяч человек в медиа. Но эта книга написана не для того, чтобы похвастаться успехами или опытом жизни в Москве или Краснодаре. Она написана для того, чтобы показать изнанку. Путь простого советского мальчишки из Амурского посёлка города Омска, у которого были и есть обычные родители, не было богатых покровителей, связей или стартового капитала. Всё, что у меня было — это фундамент, заложенный моей семьёй в детстве.

Я совершал ошибки, которые стоили сотни тысяч рублей. Я уходил в никуда с тремя детьми на руках, потому что мой внутренний огонь угасал, а я отказывался предавать себя. Я замерзал в тридцатиградусный сибирский мороз на обледенелых авторынках и сталкивался с профессиональным криминалом. Но каждый из этих этапов сформировал во мне семь нерушимых жизненных принципов.

Я глубоко убеждён: человек — это самый сильный и сложный механизм в природе. Он мощнее любого двигателя, умнее любой нейросети. Если вы запутались или боитесь начать сначала — остановитесь и оглянитесь. Всё, что нужно для мощного старта, у вас уже есть. Вы просто этого ещё не заметили.

Эта книга — моя честная история о том, как пересобрать свою жизнь, опираясь на внутренние ценности. И я приглашаю вас пройти этот путь вместе со мной.

ПРОЛОГ. Человек, который смотрит на машину.

«Человек — это не то, чем он занимается.

Человек — это то, кем он является,
когда никто не смотрит».

Краснодар. Октябрь 2026 года. Пять часов вечера. Я стою во дворе частного дома и смотрю на чёрный Mercedes E-Class W213. Солнце опускается к горизонту, отбрасывая длинные тени — идеальное время для осмотра. При естественном боковом свете видно абсолютно всё. Искусственное освещение часто обманывает, солнце — никогда. Это нерушимое правило я выработал за восемь лет практики.

Продавец ходит вокруг машины, улыбается и что-то увлеченно рассказывает. Я слушаю его вполуха. Меня интересуют не слова человека, а то, о чем говорит сама машина.

Открываю капот. Первое, что бросается в глаза — подозрительная аккуратность и устойчивый запах малярного цеха. Болты крепления крыльев тщательно покрашены, капот и перед-

няя часть — идеально в цвет, но краска положена грубо, заводские «непрокрасы» отсутствуют на внутренней части капота, везде глянец вчерашней работы маляра. Видно, что работали хорошие, но недорогие мастера, старавшиеся скрыть следы кузовного ремонта.

Но стараться — не значит суметь.

Направляю луч фонаря под углом, и на свет сразу вылезают нюансы. На крепеже остались едва заметные следы инструмента. Тонкий слой краски нанесен поверх, но под ним отчетливо видна свежая грань ключа. Крылья снимали, капот меняли, передок разбирали полностью. Собрали качественно, но скрыть факт аварии не получилось.

Лонжероны целые, геометрия в допуске. Это не «распил», собранный из двух половин, а другая история: автомобиль попал в серьезное ДТП, при котором выстрелили подушки безопасности. Силовая структура уцелела, и кто-то умелый решил вернуть машине товарный вид.

Сажусь за руль и подключаю к OBD разьему ноутбук. Открываю блок Airbag. Два числа на экране оказываются значительно ниже заводского допуска — подушек в машине просто нет, вместо них в проводку впаяны копеечные резисторы-обманки. Смотрю дальше: на одометре красуются скромные 16 тысяч километров. Подключаюсь к блоку фар — моточасы категорически не совпадают с заявленным пробегом. Реальная цифра — под 90 тысяч. Пробег смотали минимум в пять раз.

Закрываю ноутбук и выхожу на улицу. Денис напряженно смотрит на меня:

— Ну как? — тихо спрашивает он.

— Пойдём отойдём. Поговорим.

Я расскажу ему чистую правду. Спокойно, без лишней драмы, потому что в этом заключается моя работа.

Но на самом деле автоподбор — лишь внешняя оболочка. Профессия определяет то, чем я занят в данный момент. А то, кто я есть на самом деле — спрятано гораздо глубже. Чтобы понять, как я оказался в этой точке, нужно вернуться назад. Но не к первому найденному автомобилю и не к первому заработанному рублю, а к моменту, когда только начинал формироваться человек, рассказывающий вам эту историю, в далекое советское прошлое.

Эта книга не о машинах и подборе — это книга о семи принципах, которые полностью пересобрали мою жизнь. Семь глав, семь уроков и семь этапов личной эволюции. Но это не финал, ведь впереди ждут новые вызовы. Человек, который перестает учиться, просто перестает жить.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КОРНИ

Глава 1. Чертежи, книги и спортивный манеж.

«Не ищи счастья в далёких странах — оно растёт там, где ты поливаешь свой сад». — Омар Хайям

Я родился в Омске в восьмидесятых годах. Наше детство, как и у многих советских семей, начиналось в тесноте: мы делили одну квартиру с бабушкой и бабушкой. Позже родители получили собственное жилье — с отдельным гаражом, в котором, правда, до середины девяностых из всего транспорта стояли только велосипеды. Поскольку отец с мамой постоянно работали сутками, дед и бабушка заменили мне вторых родителей. Уже будучи на пенсии, они без остатка отдавали себя моему воспитанию.

Моя семья была уникальным союзом фундаментальной науки, советской инженерии и спорта высших достижений. Мама по образованию была физиком, человеком с глубоким системным мышлением, и работала директором крупного детского комбината. Отец жил спортом: мастер спорта по самбо, преподаватель физической культуры и практикующий тренер. Все они были людьми исключительно серьезными в плане образования, требовательными к

себе. Но тот самый первый, несокрушимый гранитный фундамент в меня заложили именно дед и бабушка.

У бабушки за плечами было всего девять классов образования и техникум. Она не занимала высоких инженерных постов, а работала на заводе на тяжелом производстве — собирала платы. Её руки всегда, сколько я их помню, были покрыты мелкими трещинами и ожогами, потому что на производстве использовалась едкая кислота. Но при этом у неё был поразительно высокий словарный запас, а её речь всегда оставалась безупречно чистой и правильной. Бабушка невероятно много читала. До самых последних дней своей жизни она каждый вечер засыпала с книгой в руках.

Характер у неё был стальной, истинно сибирский. Когда началась Великая Отечественная война, ей исполнилось всего десять лет. В то страшное время, когда все мужчины ушли на фронт, она наравне со взрослыми — со своим дедом и мамой — от рассвета до заката работала на полях. Они выращивали овощи, пытались просто выжить и прокормить себя.

Там, на тех бескрайних полях, она подорвала здоровье, заработав тяжелую болезнь ног. Но сломать её дух было невозможно. Эта сильная русская женщина умудрялась вставать на работу в пять часов утра, трудиться на заводе, а по вечерам сама шила одежду моей маме и ее брату. Если примерить масштабы тех трудностей на изнеженный уклад современного человека — большинство нынешних людей просто сдались бы, опустили или наложили руки на себя. А то поколение было скроено словно из титана.

Бабушка безумно любила спорт. Наперекор больным ногам, преодолевая дикую боль, она до 80 лет регулярно ходила на стадион на лыжах. Она просто шла вперёд, несмотря ни на что. Именно бабушка заложила в меня это упрямство при достижении целей и ту самую родовую преемственность: священную любовь к семье, детям, уважение к своим предкам. Наверное, поэтому сегодня у меня большая, крепкая семья.

И эта преемственность, этот семейный стержень уже распространились на следующие поколения. Я постарался целиком передать бабушкину закваску своей старшей дочери Полине, которой сейчас 19 лет. Полина поступила в престижнейший Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Если бы бабушка была жива и узнала, что её правнучка учится в таком великом месте, она бы невероятно, всем сердцем гордилась. Ведь это и есть победа её характера, передающаяся сквозь годы от поколения к поколению.

Благодаря бабушке я научился главному качеству: я не вижу проблем, я вижу только цель. Великий хоккеист Уэйн Гретцки когда-то сказал гениальную фразу: «Я играю не там, где шайба находится сейчас, а там, где она будет». Вот и я, когда перед моим носом возникают жизненные проблемы, я их просто не замечаю, они для меня прозрачны. Я вижу весь путь наперёд и конечную точку, где эта «шайба» неизбежно окажется в воротах. Ворота здесь — не противник, а моя финальная цель.

Дед был под стать бабушке. Он тоже начинал с обычного техникума, но безумная, неутолимая тяга к инженерии и познанию нового со временем возвела его в ранг ведущего инженера оборонного завода. Он никогда не был кабинетным чиновником, штампующим сухие бумаги. Дед занимался реальными, секретными военными разработками. Я знал о них мало — время было советское, секретное, да и мал я был. Его не стало в середине девяностых, и основные истории о его трудовых подвигах я узнал уже из уст родителей.

Но дед заложил во мне бесконечный фундамент доброты, тепла и стремления развиваться. Сейчас, когда мне уже за сорок, я часто возвращаюсь мыслями на нашу старую кухню. Почти весь стол у деда был заставлен инструментами. Он часами показывал мне, пацану, как нужно правильно работать с металлом и деревом. Но самым удивительным его увлечением была реставрация старинных сломанных часов.

Дед был не просто инженером — он был философом и скульптором. На моих глазах он брал разбитые хронометры, в которых не было стёкол и не хватало элементов механизма, и

своими руками возвращал их к жизни. До последних дней он увлечённо возился с этой материей времени. Дед показал мне, что инженерия — это не сухие цифры в чертежах. Это некая природная, высшая красота. Ведь физика — это и есть природа нашего существования, облечённая в идеальную форму.

И именно дед заложил во мне эту непреодолимую, страстную любовь к автомобилям. Это была его собственная, великая и, к сожалению, несбыточная советская мечта.

В его жизни был момент, когда всё шло к её исполнению, к покупке «Москвича». Дед годами на него копил и вот, деньги были собраны, заветная, дефицитная очередь подошла — машина уже ждала. Но в этот самый момент начались тяжёлые, опасные проблемы со здоровьем у его отца, моего прадеда. Перед дедом не стояло выбора: он без секундного колебания пожертвовал главной мечтой своей жизни. Он просто отдал эту выстраданную очередь другому человеку, а все накопленные до копейки деньги направил на спасение и лечение своего отца. К сожалению, та история закончилась трагически — прадеда спасти не удалось.

В дальнейшем покупка машины навсегда ушла для деда на второй план, и он полностью взялся за моё воспитание. Именно тогда он решил воплотить эту не случившуюся автомобильную судьбу через меня. Он передал мне саму идею владения машиной, культуру вождения и подлинное благоговение перед техникой. Мама рассказывала, что, когда мне было всего четыре, пять, шесть лет, дед часами водил меня за руку по стадиону и одухотворённо, с горящими глазами рассказывал про машины. Буквально до моих двенадцати лет он терпеливо открывал мне устройство автомобильного мира: наглядно объяснял, как устроена подвеска и для чего нужен дифференциал.

Дед брал карандаш, лист ватмана или обратную сторону и чертил схемы.

— Смотри, Артёмка, — тихо говорил он. — Вот здесь идёт основная сила. Понимаешь? Здесь металл работает. А вот тут — отдыхает. Если перепутать векторы — машина не поедет.

Я тогда мало что понимал. Но запоминал намертво. Через дедову жертвованную мечту, через его часы и чертежи на обоях я впитывал анатомию вещей и любовь к моторам. Это стало священной частью моей истории.

Другой важной частью нашей жизни были книги. Библиотеки в доме тянулись от пола до потолка. Помню, как в тридцатиградусный мороз мы часами стояли в ночных очередях за дефицитными томами. Родители читали не ради моды — литература служила окном в огромный, недоступный мир.

Читать я начал рано и к десяти годам перешел от «Трёх мушкетеров» Дюма к серьезной прозе. Запоем читал братьев Вайнеров, анализируя логику следствия и мотивы персонажей. Затем потянулся к классике — трилогия Теодора Драйзера «Финансист», «Титан» и «Стоик» открыла мне, мальчишке из Сибири, законы больших денег, власти и жесткого self-made бизнеса. Перечитывал по три раза, сидел с энциклопедией, разбирался в понятиях.

Параллельно из почтового ящика извлекались свежие номера журнала «За рулём». Мы с отцом и дедом садились на кухне, разрезали бандероль, пили чай и читали вместе. Это было наше личное, бесценное мужское время.

Третьим столпом воспитания стал спорт. Мой отец, мастер спорта по самбо, с раннего детства приучал меня к железной дисциплине. График был плотным: школа — тренировка — дом. Плавание, легкая атлетика, волейбол — свободного времени не оставалось вовсе. С восьми лет я ездил на спортивные секции сам, на трамваях и автобусах с обычным месячным проездным. Спорт поглотил меня — сборы соревнования, как и книги наперевес с учебой в школе, — и это помогло мне выжить в наступающих 90-х.

Трудные времена начались, когда мне было лет двенадцать-тринадцать. Ты едешь на тренировку. А автобус, который тебе нужен мог быть как коммерческий, так и муниципальный, коих было в разы меньше. Проездной в коммерции не работает, денег на билет нет, муниципальный можно ждать часами. И ты идёшь пешком. Через парк. Минут двадцать пять-трид-

цать. Зимой, в крошечной темноте, в сибирский мороз. Но я ездил. Каждый день. Трамвай, парк, манеж. Пешком, когда не было выбора.

Девяностые резко и бесповоротно вступили в нашу жизнь. Нищета вокруг была проникающей, удушающей. Бывало так, что дома просто нечего было есть. Ни о каких макаронах или деликатесах никто даже не мечтал — счастьем было просто поесть бутерброд с маслом «Рама» и запить его пустым сладким чаем. На фоне этой безденежной безысходности дворовые ребята, с которыми я рос, быстро начали ломаться. Криминал, наркомания и токсикомания стали нормой того времени. К сожалению, многих моих одноклассников уже давным-давно нет в живых — улица их поглотила.

Помню один конкретный день, который стал для меня моментом истины. Мои дворовые друзья, ведомые пацанским бахвальством, глупостью и банальным голодом, придумали схему: ограбить местный пункт приёма стеклотары. План был «гениальным» в своей детской непосредственности — ночью вскрыть склад, вытащить оттуда пустые бутылки и днём сдать их в этот же пункт заново, чтобы выручить хоть какие-то копейки на еду. Меня активно звали с собой.

И вот в этот момент во мне сработал тот самый невидимый тормоз. Приоритеты, которые заложил во меня отец, дедовские понятия о чести и бабушкин железобетонный характер встали передо мной стеной. Внутренний голос чётко сказал: это воровство. Это бесчестье. Я наотрез отказался от этой затеи и прямо сказал пацанам, что я против. Меня не поняли, посмеялись. Ночью они пошли на дело, и их детская непосредственность разбилась о суровую реальность — их поймали с поличным прямо на месте.

Для ребят всё закончилось очень плохо: приехала милиция, начались приводы, детская комната милиции, суды и навсегда испорченные биографии. Мой внутренний фундамент в очередной раз уберёг меня от пропасти. Пока другие шли на глупый риск ради сиюминутной выгоды, я шёл пешком через замерзший парк на тренировку, держась за свои ценности.

Принцип первый: Основа важнее профессии.

Человек с прочным внутренним фундаментом способен построить все что угодно. Человек без основы возведет замок на песке, который рухнет при первом жизненном шторме, независимо от количества денег на счете. Моя основа — это ценности семьи, закалка спортом и элементарный кругозор, который мне дало чтение.

Глава 2. Запорожец с ручным управлением и десять соток картошки.

«Терпение — горькое, но плоды его сладки». — Жан-Жак Руссо

Мои прабабушка и прадедушка жили на Луговых — по сути в старой деревне на окраине Омска, которую город постепенно поглотил. Быт там оставался патриархальным: деревянные избы, печное отопление, отсутствие водопровода и туалет на улице.

Единственным транспортом прадеда Димы был рыжий ЗАЗ-968 «Запорожец». Машина имела особую модификацию с ручным управлением, поскольку прадед вернулся с фронта без одной ноги, получив серьезное ранение под Кёнигсбергом. Его тяжелый шаг с характерным скрипом деревянного костыля я узнал бы из тысячи звуков.

Этот нелепый автомобиль служил нашей семейной рабочей лошадкой. Поскольку двигатель воздушного охлаждения располагался сзади, мешки с картошкой мы грузили под капот для правильной развесовки кузова и на багажник на крышу. В салон набивались как селедки в бочку, а на коленях у нас неизменно лежал эрдельтерьер Рэй, названный в честь Брэдли. Прадед, несмотря на слабое зрение, водил аппарат лихо, под оглушительный рев мотора, проскакивая на красные сигналы светофора. Благо трафик тогда не был похож на сегодняшний.

Каждое лето мы отправлялись на заготовку картофеля. Десять соток земли обрабатывались исключительно вручную: лопаты, ведра, мозоли. Но мы воспринимали это не как каторжный труд, а как грандиозное семейное приключение. Вся большая родня собиралась вместе.

Мы пекли картошку на костре, обедали на расстеленном в поле ковре, собирали грибы в лесополосе и много разговаривали. То была эпоха искренних человеческих связей, лишенная гаджетов и интернета.

Осенью мы засыпали в погреба по двадцать мешков урожая, обеспечивая себя на всю зиму. Сейчас, оглядываясь назад, я вспоминаю не физическую усталость, а теплоту тех дней, запах дыма и профиль прадеда Димы, управляющего машиной с помощью ручных рычагов.

Принцип второй: Труд — это не наказание, а инвестиция.

Существует два типа людей: одни вечно ищут легких путей и быстро сдаются, другие выбирают осознанную работу и достигают целей. Каждый час, вложенный в рутинное, монотонное дело — это кирпичик в ваше будущее благополучие. Самый ценный урожай с того поля — это не картошка, а понимание ценности близких людей и совместных усилий.

Глава 3. Автомобильный базар у Нефтезавода.

«Честность — это первая глава в книге мудрости». — Томас Джефферсон

В середине девяностых мои отец и дядя в один миг лишились работы и доходов. Страна стремительно менялась, ломая привычный уклад жизни, и двум людям с абсолютно разными судьбами и профессиями пришлось принимать жёсткие, экстренные решения о том, где и как зарабатывать деньги, чтобы просто прокормить свои семьи.

Мой отец был человеком системным, педагогом — преподавал в школе физическую культуру и вёл спортивные секции как тренер. А дядя, напротив, был классическим советским таксистом — суровым работягой, который годами круглыми сутками крутил баранку казённой ГАЗ-24-10, зная изнанку дорожного мира как свои пять пальцев. В новой реальности их прежние профессии оказались не нужны государству. Но у них было то, что объединяло их всегда — страсть к автомобилям, техническое чутьё и готовность впахивать. Так учитель-спортсмен и таксист-практик объединились и вышли на бушующий автомобильный рынок.

Первыми их «ласточками», с которых начинался этот тяжелый бизнес, стали легендарные битопливные «Волги» — ГАЗ-24 и ГАЗ-24-10. Многие автомобилисты той эпохи отлично помнят эти редкие заводские машины. Их главной фишкой были два лючка на кузове: один — под бензин, другой — под заправку газом. В таксопарках такие машины ценились невероятно, а дядя знал их до последнего винтика. Отец с дядей выкупали в таксопарках эти уставшие, списанные или битые «Волги», выкупали на последние деньги, сами в гараже восстанавливали их до идеала и выгоняли на базар. Это был их первый честный купеческий хлеб.

Атмосфера дома в те дни оставалась внешне спокойной, хотя мама, конечно, сильно переживала. Она прекрасно понимала, что авторынок конца девяностых — это один из самых криминальных и опасных участков жизни в стране. Но отец с дядей были людьми крепкими, закалёнными. На базаре их спасало то, что отец и его брат были известными в городе спортсменами по борьбе.

В этом суровом автомобильном мире крутилось огромное количество людей из спортивной среды — такие же борцы и самбисты. Старые связи по спортивной тематике, взаимное уважение и авторитет на ковре стали для них лучшей защитой. Борцовское братство держало марку, а дядин колоссальный водительский опыт и знание дорожной психологии идеально дополняли этот тандем. Там, где обычного перекупщика мог жёстко прижать криминал и поставить на «счетчик», к ним даже не подходили.

Их главной базой стал обычный гаражный кооператив, представлявший собой целую экосистему. Здесь кипела теневая автомобильная жизнь: трудились жестянщики, мотористы, маляры и электрики разной степени квалификации. В те годы не было диагностических сканеров или толщиномеров, вся проверка строилась на личном опыте, знании техники и природном чутьё.

Покупка машины напоминала настоящую охоту. Каждые выходные на авторынке в районе Нефтезавода разворачивались серьезные драмы. Над площадкой висел мазутный дым, а перекупщики с кожаными барсетками выискивали реальных собственников. Главная опасность заключалась в полном отсутствии юридической защиты. Не существовало ни онлайн-баз ГИБДД, ни реестров залогов, ни Автотеки. Машины покупались по генеральной доверенности, а финальная точка ставилась нотариусом через справку-счет.

Снятие с учета в ГАИ купленного на перепродажу автомобиля и получения транзитов становилось моментом истины. Если инспектор обнаруживал переваренную планку кузова, перебитый VIN-номер или криминальное прошлое транспортного средства, покупатель или перекуп в один миг лишался и денег, и машины.

Рынок четко делился на касты. Отец подробно объяснял мне их различия. «Колбасники» занимались тотальным «автохламом» — сваривали машины из частей, маскировали дефекты и безжалостно обманывали покупателей. «Профессора» работали в премиум-сегменте, пригоняя из Москвы дорогие иномарки. А мой отец с дядей относились к «работягам» — они покупали технически запущенные машины у нерадивых хозяев, честно приводили их в полный порядок и продавали за разумные деньги. За это люди их уважали и передавали контакты из рук в руки.

В один из поисков авто «на продажу» с нами произошел случай с ВАЗ-2106 1976 года выпуска. Внешне идеальный ухоженный автомобиль продавал приличный пожилой мужчина. Я уже мысленно радовался выгодной сделке, но отец заглянул с фонариком глубоко в панель бардачка. Там под шумоизоляцией обнаружился свежий сварной шов — вваренная кустарным способом планка с чужим VIN-номером. Это был мой первый близкий контакт с криминальным автобизнесом и понимание того, что внешность бывает обманчива.

Гаражная школа дала мне невероятный опыт и «насмотренность». Лет в пятнадцать я уже самостоятельно и безошибочно регулировал зазоры клапанов на классических моторах с помощью плоского щупа и двух ключей. Я научился читать машину без приборов: определять состояние кузова по зазорам деталей, состояние мотора по характеру выхлопа и запаху картерных газов из масло заливной горловины. Руки запомнили анатомию металла, момент затяжки резьбы.

Именно тогда у меня родилась идея: а что, если создать сервис, который будет не продавать автомобили, а профессионально защищать покупателя от обмана? Но до реализации этой мысли оставались годы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.